

КОЛДУН

Чудеса, граждане! Кругом, можно сказать, пар, электрическая энергия, швейные ножные машинки — и тут же наряду с этим — колдуны и кудесники.

Совершенные чудеса!

У мужика в деревне сеялка и веялка, и землю свою мужик раздраконивает паровым трактором, и тут же рядом и почти в каждой деревне проживает колдун. Живёт, хлеб жуёт и мужичков поцукивает.

Странные и непонятные вещи!

На днях вот в одной деревне убили колдуна. Ну убили, убили — забыть надо. Так не забыли мужички. Плачут теперь и рыдают и рвут на себе волосёнки.

Потому — пугаются, что будет наказание свыше.

А пришёл этот колдун перед самой своей гибелью к одному среднему мужику. А примета такая: пришёл колдун — значит, жди беды: либо корова скончается, либо другое несчастье.

Пришёл колдун и сел за стол. А глаза у самого мутные, усы книзу, и бородёнка треплется.

Сидит колдун за столом и почёсывает левую руку.

Ну, конечно, в избе испугались. Хозяйка мечется, кричит, прёт на стол всё съедобное. Старуха кланяется между тем колдуну в пояс и наивно спрашивает:

— И чего ты, батюшка, пришёл, сел за стол и чешешь левую ручку? Не случится ли какой бедашки или горя?

А колдун, нахмурясь, отвечает:

— Может, бабка, и случится. А случится, так откупишься, божья старушка. Бояться беды нечего.

А хозяин, инвалид Тимошка, цыкает на старушку и сам к колдуну подходит.

— Нечего, говорит, дарма тут сидеть — прохладиться. Нечего, говорит, тут ручки чесать — блох у меня разводите. Почесал и хватит катись колбаской.

Ахнули в избе от нахальной реплики. А колдун посерел, встал, ни нюхал пустой воздух и вышел.

Ну вышел — вышел. Баба плачет, старушка хрюкает, а Тимошка, Выпятив грудь, отвечает:

— Я, говорит, ещё премного жалею, что колдуна между глаз не ударил. Я, говорит, колдунов завсегда в переносье бью.

И вот наступила ночь. Баба плачет, старушка хрюкает. А Тимошка на лавке лежит и носом посвистывает.

Вдруг среди ночи баба Тимошку будит.

— Ну, говорит, дождалась — несчастье. Слушай!

И верно: со двора из хлева тоненько так теля заливаются.

Ну, зажгли фонарь, вышли во двор — верно: стоит телёнок посередь хлева, хвостик свой приподнял ввысь и орёт, орёт — ушам скучно.

Дали тёлке хлеба мочёного — не берет. Дали молока — отказывается.

И орёт всю ночь. И утром орёт. И в обед орёт. Вечером бабы поднапёрли на Тимошку. Велели повалиться ему в ноги колдуну и выпросить прощение.

Тимошка покобенился, но пошёл.

Пришёл.

— Чего, — спрашивает колдун, — не тёлка ли орёт? Испугался Тимошка.

— Да, говорит, гражданин колдун, орёт телка. Не вели, говорит, казнить, а вели миловать. С меня, говорит, приходится.

— Ладно, — сказал колдун.

И пошёл. Он пошёл впереди, а Тимошка за ним. Дошли до дому, а колдун и говорит:

— Как войдём в ворота, отвернись в сторону и шепчи молитвы. Я же потружусь и сам пойду к телёнку.

И пошёл к телёнку.

А Тимошка обождал слегка и за ним. Колдун в хлев, а Тимошка припал к стене и в щёлку смотрит, чего колдун ворожить будет.

А колдун между тем взял в руку телячий хвост и вынимает из него булавку.

Закричал тут Тимошка, запер хлев, созвал мужиков и объяснил дело.

Начали колдуна бить.

Били колдуна, били — молчал колдун, но, помирая, сказал:

— Не я всунул в телячий хвост булавку — бог всунул. С тем и помер.

Ну помер — помер. На сегодня, например, помер — завтра несчастье: у мужика в соседней деревне корова ногой куру задавила.

Месяц или два прошло — бац! — ещё несчастье: шёл пьяненький мужик домой, свалился в канаву и ногу себе вывернул. Два эти несчастья случились, и мужички ждут третьего. А третье случится — будут ждать четвёртого.

Будет теперь колдун крошить народ человеческий.